

КРЕПОСТНИЧЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ БАРЩИННОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В XVI ВЕКЕ

Р. Г. Скрынников

Проблема экономической обусловленности закрепощения крестьян в России стала одной из центральных в советской историографии едва ли не с момента ее возникновения. Акад. Б. Д. Греков связывал установление крепостного права с развитием барщинной системы феодального хозяйства, в свою очередь, обусловленной общим ростом товарного производства и внутреннего рынка. В его концепции барщина играла роль ведущего фактора¹. «Отмена Юрьева дня,— писал Б. Д. Греков,— была вызвана усилением, а затем и победой барщины»². Тезис Б. Д. Грекова о развитии барщины в XVI в. получил развитие в работах многих историков — акад. Л. В. Черепнина, акад. М. Н. Тихомирова, А. Г. Манькова, В. И. Корецкого, А. Д. Горского и других³.

Эта традиционная концепция закрепощения стала в 60-х годах предметом оживленных дискуссий. В ходе их отмечалось, что тезис о перестройке феодального хозяйства под влиянием рынка уязвим со стороны конкретных доказательств, и указывалось на потребительское назначение барщины, поскольку в подавляющем большинстве поместий барская запашка немногим превышала запашку среднего крестьянина⁴. Неустойчивость барщины позволяла утверждать, что «в России развитие крепостничества предшествовало широкому распространению барщинного хозяйства»⁵. К аналогичным выводам пришли авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», исследовавшие экономику новгородского поместья. Б. Д. Греков считал, что в конце XV в. в Новгороде наметилась тенденция к переходу от оброчной системы к барщинной. В противоположность этому мнению А. Л. Шапиро пишет: «Нам представ-

¹ Б. Д. Греков. Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI века. «Известия» Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. V. 1948, № 1, стр. 53, 58.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М. 1954, стр. 267.

³ По наблюдениям Л. В. Черепнина, уже в XIV—XV вв. барщина имела значительно больший удельный вес в феодальном хозяйстве, чем полагал Б. Д. Греков (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М. 1960, стр. 230); М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник в XVI в. «Исторические записки». Т. 3. 1938; А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. «Ученые записки» Могилевского пединститута. Вып. 1. 1954; В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. Автореф. канд. дисс. М. 1957; А. Х. Горфункель. Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. «Ученые записки» Карело-Финского пединститута. Т. II, вып. 13а. Серия общественных наук. Петрозаводск. 1956; А. Г. Маньков. О положении крестьян в феодальной вотчине России во второй половине XVI в. «История СССР», 1959, № 4; Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л. 1959, стр. 98; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, стр. 90.

⁴ «Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы за 1965 г.». М. 1970.

⁵ «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М. 1962, стр. 56.

ляется, что развитие шло более сложным путем»⁶. По наблюдению авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», барская запашка, обрабатываемая крестьянами, составляла к началу XVI в. единичные проценты, может быть, даже доли процента всей пахотной земли в новгородском поместье⁷; к середине века бремя полевой барщины усилилось, а в 1570—1580-х годах ослабло в условиях кризиса⁸. В наиболее категорической форме взгляд на историю барщины в XVI в. сформулировал Г. В. Абрамович. Опираясь на материалы Бежецкой пятины, он заключил, что, во-первых, даже в середине XVI в. барщина «находилась еще в стадии зарождения»⁹, и, во-вторых, «доля крестьянской барщины в обработке барской запашки в конце XVI в. остается той же, что она была в середине века»¹⁰. Таким образом, Г. В. Абрамович, по сути дела, отрицает барщину как значительное явление русской экономики XVI века¹¹.

Дискуссия о барщине и предпосылках закрепощения крестьян показала недостаточную изученность некоторых основных проблем аграрной истории России. С точки зрения их исследования исключительное значение имеют материалы новгородского происхождения. Не случайно авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», подвергшие концепцию Б. Д. Грекова наиболее последовательной критике, избрали в качестве объекта изучения именно Новгород и окружавшие его пятины. Такой выбор определен наличием уникального для XVI в. архива Новгородской приказной избы. Новгородские писцовые книги, сохранившиеся почти целиком за период с конца XV до конца XVI в., предоставляют в распоряжение историка массовый материал в виде периодических хозяйственных описаний одних и тех же местностей. По другим районам России нет столь богатой документации, а сохранившиеся источники относятся преимущественно к монастырским хозяйствам. Новгородский же поместный архив позволяет выявить наиболее подробным образом тенденции развития феодального хозяйства в XVI веке¹². История новгородского поместья имеет, следовательно, не частный, а общий интерес. В XVI в. поместье активно поглощало все другие виды землевладения. Став в конце века ведущей его формой, оно оказало значительное влияние на экономику страны, хотя это влияние неодинаково оценивается различными исследователями.

Крестьяне новгородского поместья несли в пользу феодалов разнообразные повинности, включая натуральные и денежные оброки. Тщательная статистическая обработка новгородских материалов привела авторов «Аграрной истории Северо-Запада России» к выводу, что феодальная рента в ее комплексе не подверглась значительным изме-

⁶ «Аграрная история Северо-Запада России (вторая половина XV—начало XVI в.)» (далее — «Аграрная история»). Л. 1971, стр. 353—354.

⁷ Там же, стр. 353.

⁸ «Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины» (далее — «Новгородские пятины»). Л. 1974, стр. 284.

⁹ «Аграрная история», стр. 244.

¹⁰ Г. В. Абрамович. Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в. «Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1970, № 2, стр. 58—60.

¹¹ Тезис о развитии барщинной системы феодального хозяйства в XVI в. подвергся решительной критике в работах А. Я. Дегтярева и В. М. Панеяха (см.: А. Я. Дегтярев. Поместное землевладение и хозяйство новгородских земель в XVI веке. Автореф. канд. дисс. Л. 1973, стр. 16—17; В. М. Панеях. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения. (По поводу книги В. И. Корецкого). «История СССР», 1972, № 1, стр. 158—159).

¹² В свое время автор статьи специально исследовал материалы по истории новгородского поместья. Теперь эти материалы оказались в центре дискуссии (см. Р. Г. Скрынников. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских землях в 50—70-х годах XVI века. «Ученые записки» ЛГПИ имени А. И. Герцена. Исторические науки. Т. 188. Л. 1959).

нениям на протяжении XVI в.: применительно к первой половине столетия не приходится говорить об общем увеличении оброков или барщины; от второй половины века сохранилось мало сведений о размерах оброков, по косвенным же данным можно заключить, что некоторый рост оброков и повинностей в то время имел место¹³. Обобщив свои наблюдения, А. Л. Шапиро сформулировал тезис, согласно которому в XVI в. сложилось очень неблагоприятное для крестьян отношение прибавочного труда к необходимому и возникла крайне высокая норма эксплуатации, в которой и следует искать основную причину закрепощения¹⁴. При таком объяснении истоков крепостничества ведущее значение приобретает не феодальная рента, а налоговое обложение, поскольку на протяжении XVI в. произошло резкое и значительное повышение податей, тогда как о большом увеличении ренты говорить нельзя. Как бы ни была интересна мысль А. Л. Шапиро, она остается гипотезой, нуждающейся в фактическом обосновании.

В настоящей статье предпринята попытка заново рассмотреть спорные вопросы аграрной эволюции Северо-Запада России в XVI в., включая проблему роста барской запашки и становления барщинной системы.

В литературе были высказаны две точки зрения по поводу методов расширения господских земель в поместье. Сторонники одной считали, что помещики расширяли свою запашку исключительно за счет опустевшей крестьянской земли, так что на это «должно смотреть как на чистое приращение в размерах производства страны, а не как на простой ущерб крестьянской земли»¹⁵. Другое мнение сводилось к тому, что помещики применяли разнообразные методы: на первых порах они не столько осваивали пустующие земли, сколько обращали под барскую пашню лучшие культурные земли, отобранные у крестьян¹⁶. Последняя точка зрения вызвала решительные возражения со стороны А. Л. Шапиро. «Мы склонны говорить о переселении крестьян на другой участок, а не о сгоне их с земли»¹⁷, — пишет он. Этот тезис получил дополнительное обоснование в работе А. Я. Дегтярева. «Основная часть земель, составивших барскую пашню, ранее была крестьянской», — считает он. Но обращение этих земель в господскую пашню, по его утверждению, происходило не посредством сгона крестьян с земель. Земля занималась помещиками после крестьянских «выходов» или в результате переселения крестьян в пределах одних и тех же поместий, когда помещик стремился сконцентрировать пашню вокруг усадьбы¹⁸.

Такое мнение представляется спорным и побуждает заново обратиться к анализу фактического материала. Начнем с того, что сгон крестьян был в конце XV — первой половине XVI в. хорошо известным явлением, получившим отражение в публицистике и в юридической документации того времени. Церковные авторы оставили красноречивые описания насилий, чинимых землевладельцами над изгоняемыми «из имений» крестьянами. Так, В. Патрикеев писал: «Едва не взмогут (крестьяне. — Р. С.) отдать лихвы, от имений их обнажахом, без милости коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и с детьми далече от своих предел, аки скверных, отчихом, неких же и княжеской

¹³ «Новгородские пятины», стр. 26—27, 286—290.

¹⁴ А. Л. Шапиро. О причинах закрепощения в России XVI в. «Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Прибалтики». Тарту. 1972, стр. 144.

¹⁵ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М. 1893, стр. 210.

¹⁶ Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и в первой половине XVI в. «Ученые записки» ЛГПИ имени А. И. Герцена. Т. 150, вып. 1. 1957, стр. 7—10.

¹⁷ «Аграрная история», стр. 352.

¹⁸ А. Я. Дегтярев. Указ. соч., стр. 14.

власти предаваше»¹⁹. Известный публицист XVI в. Максим Грек изобличал монахов-стяжателей, которые «без милосердия истязают бедняков, за большие процентные долги», или «записывают себе навсегда в рабство», или, наконец, «лишив их имущества, с пустыми руками изгоняют бедных из своих мест»²⁰. В конце XV в., когда вырабатывалась процедура «отказа» крестьян при переходе из имения в имение, монастыри испрашивали у великого князя разрешение на сгон крестьянина после «отказа»: «а отжив две недели и не поведутца (крестьяне) вон, архимандрит велит того (крестьянина) выметать безспенно по сей нашей грамоте»²¹.

Новгородские материалы позволяют конкретизировать представление об образовании помещичьей запашки. В крупных боярщинах периода Новгородской феодальной республики господская пашня почти вовсе отсутствовала. Положение изменилось, когда боярщины и прочие земли попали в руки московских помещиков. На каких землях основывали новые землевладельцы свои многочисленные усадьбы? Предположение, будто они брали одни пустующие земли либо земли, с которых крестьяне «вышли» по своей воле, сомнительно. На рубеже XV—XVI вв. крестьянское производство в Новгороде переживало расцвет, и пустующие культурные земли почти вовсе отсутствовали. Даже беглое знакомство с текстом писцовых книг убеждает в том, что дворяне брали под барскую пашню, особенно в усадьбах, только лучшую, или «добрую», землю, «худой» или «средней» земли в усадьбах почти не было. Какие же причины могли побудить крестьян покидать плодороднейшие и самые удобные земли, потребные помещикам?

Московские власти озабочены были тем, чтобы обеспечить присланных в Новгород служилых людей усадебными землями. В ходе проведения переписи Новгородских пятин были выработаны особые приемы изъятия земель под барские усадьба. При составлении первых писцовых книг («старого письма») в 80-х годах XV в. писцы не записывали в книги крестьянское население (людей и дворы) тех сел и деревень, которые предназначались на пашню помещикам. Писцовые книги служили основной юридической документацией, удостоверявшей принадлежность земли. Поэтому крестьяне, не записанные в книги, формально лишались права на свои наследственные наделы и могли быть согнаны помещиком в любой момент.

Один из первых новгородских помещиков, Ерема Воробин, пожалованный землею в 1482 г., получил в ходе описания «на пашню» под усадьбу сельцо Копцы и деревню Гарищи: «И по старому писму сельце вопчее да деревни невопчие, а дворов в сельце и в деревне в Гарищах не писано, а даны Ереме на пашню в село...»²². Выписи из «старого письма» показывают, что писцы отводили помещикам не пустые, а населенные крестьянами земли, притом большими массивами. Е. Воробину они записали под барскую пашню сельцо и деревню, в которых по «новому писму» 1500 г. пахали 141 десятину пашни в трех полях и косили 400 копен сена. Его брат Ермола Воробин получил «на пашню», погост и три деревни («а на погосте и в трех деревнях дворы и люди в старом писме не написаны»). К. Г. Бутурлин получил «на пашню» сельцо

¹⁹ «Православный собеседник». Т. III. 1863, сентябрь, стр. 109.

²⁰ Максим Грек. Сочинения в русском переводе. Ч. I. Троице-Сергиевская лавра. 1910, стр. 22—23.

²¹ М. А. Островская. Новый документ к вопросу о крестьянском выходе. «Известия» Санкт-Петербургского политехнического института. Отделение юридических и экономических наук. Т. XIII. СПб. 1910, стр. 133.

²² «Новгородские писцовые книги». Т. III. Писцовые книги Водской пятины первой половины письма Дмитрия Васильевича Китаева да Никиты Семеновича Моклокова, 1500 (далее — НПК, III). СПб. 1868, стр. 25—27.

с деревнями («в старых в книгах в селце да в 2 деревнях дворы и люди не списаны») ²³.

Новгородские писцовые книги не оставляют сомнения в том, что помещики могли реально использовать предоставленное им писцами право на изъятие у крестьян их неописанных надельных земель.

Во времена феодальной республики бояре Григорьевы не держали в своей вотчине селце Хоченя барской запашки. В конце XV в. владельцем вотчины стал помещик Г. Картмазов. В 1500 г. писцы описали его поместье следующим образом: «Волостка Настасьинская Ивановы жены Григорьева за Григорьевым за Васильевым сыном Картмазова. Селцо Хоченя... на Григорьеве жеребьи: дв. большой, а в нем сам Григорий, а людей его: дв. Микита Терехов, дв. Кирилко Рубль, дв. Овдокимко Микунин: а христьян (4 двора), сеют ржи на Григорья 10 коробей, сена косят 100 копен, 3 обжи: а христьяне сеют ржи на себя 15 коробей, а сена косят 200 копен, 4 обжи; а старого дохода с 7 обеж хлеба посном 12 коробей ржи (и др.). А пового дохода с 4 обеж 2 коробья ржи (и др.); а с 3 обеж дохода нет: пашет их Григорей на себя» ²⁴. Боярыня Григорьева собирала оброк со всей сельской пашни — с 7 обеж. Помещик довольствовался доходом с 4 обеж, 3 обжи он отнял у крестьян и обратил их под барскую пашню. Юридическим основанием для сгона крестьян с. Хоченя служило то, что при первом описании писцы отвели Картмазову «на пашню» все это селцо: «и по старому писму в той волостке деревень и з селцом 13, а дворов в деревнях oprичь селца 29, а людей в них 50 и 3 человека: а дворы и люди в селце не писаны, а дано ему на пашню съ село» ²⁵.

Следы аналогичной практики встречаются в писцовых книгах Деревской и Шелонской пятин. Судя по деревским описаниям, помещики отбирали у крестьян вместе с землями и дворы. При описании поместья Волинского писцы поместили: «Селцо Дворищо, а в нем дв. Васюков, а в нем сам живет, а людей его дв. Ивашко, дв. Онанка, сеют ржи на Васюка 9 коробей, а сена косят 100 копен, 4 обжи, а с Васюкова двора дохода не было, жил в нем сам Петрушка (новгородский землевладелец.— Р. С.), а люди его живут в христьянских дворах, а земли под ними было на две обжи, а старого дохода с них было 10 денег, а из хлеба пятина» ²⁶. Помещик Волинский, «усевшись» в старой боярской усадьбе в селце Дворищи, присоединил к господской пашне две обжи крестьянской пашни, а в крестьянские дворы поселил своих холопов.

Помещик Шелонской пятин С. Огарев получил по «отделу» несколько деревень в оброчной Дегожской волости в 1500 году. «Отдельная грамота» предоставляла Огареву право изъять у крестьян любые земли («обжи»), которые потребуются ему либо его слугам «на пашню». Документ зафиксировал, что в поместье «всех деревень 15, а дворов 21, а людей 36 человек, а обеж тридцать полторы обжи... А что ис тех обеж Семен (помещик) возмет себе или своим людям обеж на пашню, и ему с тех обеж на крестьянех своих доходов не имати» ²⁷. В дальнейшем помещик действительно «взял на пашню» две деревни. Согласно описи 1539—1541 гг., за Семеном Огаревым числилась «д. Филаново на Плотах: дв. большой, дв. сам Семен, пашни в одном поле 12 коробей, а в дву потомуж, сена 300 копен, 3 обжи: дв. человек его Прокуда без пашни. Д. Плота Старой двор: людей его Петрушка Олексеев, дв. Вашура Олферов, пашни в одном поле 4 коробья, а в дву потомуж, сена

²³ Там же, стр. 45, 264.

²⁴ Там же, стр. 113.

²⁵ Там же, стр. 117.

²⁶ «Новгородские писцовые книги». Т. 1. Писцовые книги Деревской пятини первой половины письма Прокопия Скуратова и Петра Волка Борисова, 1495 (далее — НПК, 1). СПб., 1859, стр. 285; см. также стр. 112.

²⁷ Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Т. 1, ч. 2. М. 1905, стр. 7.

8 копен, обжа»²⁸. Можно установить, почему С. Огарев отобрал у крестьян д. Филиново и д. Плоту. В 1499 г. эти и еще две других деревни писцы отвели «на пашню» великокняжескому ключнику Аф. Прасолову, присланному управлять Дегжей («тое же волости деревни даны ему на пашню»). Ключник недолго пробыл в волости и «освоил» только одну деревню: «Дер. Плата: старой двор Богдановской (Есипова.— Р. С.), во дворе Афонасов человек Мартынков, пашни 5 коробей, сена 100 копен, обжа». Прасолов не успел распорядиться деревней Филиново, где остались жить крестьяне: «на Плотах дер. Филинова: во дворе Ивашко да Остакно Семеновы, пашни 8 коробей, сена 100 копен, 3 обжи»²⁹. После перехода волости в руки С. Огарева деревня Филиново взята была под барскую усадьбу. Помещик обошелся без санкции со стороны писцов. Порядок изъятия земель у крестьян, таким образом, упростился. Судя по «отдельным грамотам», решение вопроса о земле передавалось теперь на усмотрение самих помещиков.

Предложенная интерпретация новгородских источников вызвала возражения со стороны А. Л. Шапиро. В рассмотренных случаях изъятие у крестьян земель и дворов, по мнению А. Л. Шапиро, не приводило к сокращению числа крестьянских хозяйств в поместье. «Таким образом,— заключает А. Л. Шапиро,— сгона крестьян из волости тут не было»³⁰. С этим выводом нельзя согласиться. Понятие «сгон» более точно передает чрезвычайно болезненный для крестьянина процесс изъятия его наследственного надела. Последующая судьба крестьянина — его уход из поместья или переселение в пределах той же волости, очевидно, имеет второстепенное значение для оценки методов расширения барской пашни. Вопрос об этих методах не следует подменять вопросом о движении населения в поместье. Прирост числа дворов и крестьян в поместье сам по себе свидетельствует лишь о том, что прибыль населения (за счет новоприходцев, разделов семей и пр.) перекрывала его убыль за тот же период.

Соображения по поводу колонизации не могут изменить отрицательного отношения к сгону крестьян с их наделов. Новгородские крестьяне были наследственными и традиционными владельцами земли. Напротив, московский помещик, впервые появившийся здесь в конце XV в., был элементом пришлым. Его посвятительство на лучшие крестьянские земли казалось вопиющим произволом. Предоставление крестьянину другого надела не компенсировало ущерба. Владея наделом из поколения в поколение, крестьяне как бы врастали корнями в землю. Отодрать их от наделов могло принуждение либо бедствие.

Итак, начальный момент образования земельных богатств помещиков в Новгороде связан был с насилием над крестьянами. Положение переменялось во второй половине XVI в., когда в результате разорения и разрухи образовался громадный фонд пустующих крестьянских земель и когда любые из этих земель могли быть взяты под барскую пашню. Вывод относительно сгона крестьян имеет в виду только ранний период в истории новгородского поместья.

К числу спорных вопросов новгородской истории относится эволюция барской запашки. Исследование писцовых книг позволило прийти к заключению, что в конце XV — первой половине XVI в. барская пашня охватила обширные пространства земли, стала крупнейшим явлением в истории новгородского поместья³¹.

²⁸ «Новгородские писцовые книги». Т. IV. Писцовые книги Шелонской пятины, 1498—1553 (далее — НПК, IV). СПб. 1886, стр. 279.

²⁹ «Новгородские писцовые книги». Т. V. Писцовые книги Шелонской пятины, 1498—1576 (далее — НПК, V). СПб. 1905, стр. 365.

³⁰ «Аграрная история», стр. 352, прим. 7.

³¹ Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и в первой половине XVI в., стр. 7—10.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», констатируя тенденцию к расширению барской запашки на новгородских поместных землях, сделали следующую оговорку: «Мы можем говорить только о некотором росте и о незначительных масштабах господской запашки как по удельному весу, так и по абсолютным размерам»³². Столь осторожный вывод, как представляется, не отражает конкретных данных, приведенных на страницах «Аграрной истории Северо-Запада России». В поместьях Водской пятины барская запашка была наименьшей по сравнению с поместьями других пятин. Но и здесь, как установил Ю. Г. Алексеев, в течение одного-двух десятилетий помещики расширили господскую запашку более чем втрое, в результате чего в волостях с доменом помещичья запашка охватила около 10% всей пашни³³. Аналогичный процесс наблюдался в поместье Бежецкой пятины. Проведя обследование восьми бежецких волостей, Г. В. Абрамович выяснил, что в результате перехода их к помещикам барская запашка выросла в 2,9 раза³⁴. К началу XVI в. господская и служняя пашня в поместьях Тверской половины Бежецкой пятины составила уже 12,4% по отношению ко всей пашне³⁵. Подобного рода цифры позволяют говорить не о некотором, а о весьма значительном росте барской запашки в новгородском поместье.

Описанный процесс приобрел еще более интенсивный характер к середине столетия. В Водской пятине господская запашка выросла к 1536—1645 гг. по сравнению с началом века в 3,5 раза, а к 1569 г. — еще в 1,5 раза. Однако Водская пятина отставала от других пятин с более благоприятными для земледелия условиями. На 1564—1571 гг. удельный вес барской и служней пашни составлял здесь 18% всей пашни (в обжах), тогда как в Шелонской пятине — почти 25%. В Деревской пятине барская запашка составляла 24,3% всей пашни в поместье уже к началу 50-х годов XVI века³⁶. Расширение барской запашки было связано прежде всего с увеличением числа помещиков и поместий³⁷. Но вместе с тем происходило и известное укрупнение домена: к середине 40-х годов XVI в. помещичья запашка в Водской, Деревской и Бежецкой пятинах в среднем втрое превосходила усредненный крестьянский надел, а в некоторых уездах Шелонской пятины — впятеро³⁸. Учитывая застойный характер феодального хозяйства, описанное расширение барской пашни следует признать весьма значительным.

В годы разорения удельный вес господской запашки в новгородском поместье продолжал увеличиваться, в то время как абсолютные ее размеры резко сократились. По данным «Аграрной истории Северо-Запада России», в Бежецкой пятине к началу 80-х годов XVI в. на долю помещичьей запашки приходилась уже третья часть обрабатываемых земель, тогда как ее площадь сократилась в 10 раз по сравнению с 40-ми годами того же века. Подчеркивая потребительский характер помещичьего хозяйства, А. Л. Шапиро отметил, что в 80-х годах XVI в. помещик обрабатывал столько, сколько в нормальное, докризисное время обрабатывал «справный» крестьянин³⁹. Однако он не учитывает того обстоятельства, что наступившие в 70-х—80-х годах XVI в. разруха и запустение изменили поместную экономику в целом. Сопоставление домена не с нормальным, докризисным крестьянским наделом, а с карликовым наделом периода упадка показывает, что на фоне измельчав-

³² «Аграрная история», стр. 351.

³³ Там же, стр. 193, 195.

³⁴ Там же, стр. 247.

³⁵ Г. В. Абрамович. Указ. соч., стр. 59.

³⁶ «Новгородские пятины», стр. 280—281.

³⁷ Там же, стр. 281.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 283.

шей крестьянской запашки господская оставалась сравнительно более крупной. Так, в поместье Бежецкой пятины в начале 80-х годов XVI в. помещик в среднем пахал 10,5 дес., а крестьянин — 3 дес. в трех полях. Та же пропорция характерна и для поместья в Деревской пятине: 9,75 дес. на господский двор и 3 дес. на крестьянский⁴⁰. По крайней мере в пятинах с более развитым земледелием соотношение домена и крестьянского надела (в средних цифрах) оставалось в кризисные годы примерно таким же, как и до кризиса.

Разорение сократило потребление, но, разумеется, оно не могло опуститься ниже физического минимума. Крестьянская семья не в состоянии была прокормиться с крохотного надела, зафиксированного в писцовых книгах и прочих фискальных документах. Помимо надела, крестьяне пахали пашню наездом, брали землю внаем, на оброк и т. д. По наблюдениям Г. В. Абрамовича, незафиксированная и не обложенная тяглом пашня была значительной и иногда превосходила надел⁴¹. Помещики располагали большими возможностями сокрытия пашни от тягла и, вероятно, использовали их так же, как и крестьяне.

По мнению авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», в 70—80-е годы XVI в. произошло резкое сокращение барской пашни, и лишь в 90-х годах освобождение господской запашки от податей задержало этот процесс и, быть может, даже привело к некоторому росту размеров господской запашки, но эта стабилизация или рост носили временный характер⁴². Такая оценка, как нам представляется, не вполне согласуется с фактами. За 90-е годы XVI в. имеются данные по одной Бежецкой пятине. Г. В. Абрамович обработал их и высчитал, что с 80-х до середины 90-х годов XVI в. помещичья запашка в поместьях Бежецкой пятины увеличилась с 32,6 до 47,2%. В итоге на один крестьянский двор приходилось в среднем 1,35 коровья пашни, а на помещичий двор — 7 коровей, иначе говоря, в пять раз больше⁴³. Следовательно, и в этом случае речь шла о весьма значительном расширении барской запашки, происшедшем к тому же за очень короткий срок.

В итоге разорения резко сократилась численность крестьянского населения поместья, измельчал крестьянский надел и многократно возрос удельный вес господской запашки. В Деревской пятине помещики уже в начале 80-х годов XVI в. пахали на себя половину всей обрабатываемой земли. В Бежецкой пятине то же соотношение сложилось к середине 90-х годов. С точки зрения развития барщины подобное изменение в структуре поместья, по-видимому, имело первостепенное значение.

Крупный знаток новгородской истории Н. А. Яницкий выступил в свое время с категорическим утверждением, что в новгородском поместье даже к концу XVI в. «барщина в среде крестьянства не была распространена... доказательством этого служит вся писцовая книга, не упоминающая о барщинном труде крестьян»⁴⁴. Однако предпринятая Н. А. Яницким попытка решить проблему барщины на основании писцовых книг оказалась неудачной, поскольку он не подверг критике текст и формуляр писцовых книг и не исследовал их в комплексе со всей прочей поместной документацией. Предварительным условием ис-

⁴⁰ Там же, стр. 267, 283. Только в Водской пятине, более других земель опустошенной войной и частично оккупированной врагами, средняя крестьянская и помещичья запашки были примерно одинаковыми — 6 десятин.

⁴¹ Там же, стр. 238.

⁴² Там же, стр. 283.

⁴³ Там же, стр. 224, 230, 239.

⁴⁴ Н. А. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев. 1915, стр. 33. Аналогичную точку зрения высказывал Н. А. Рожков (Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899, стр. 200).

пользования писцовых книг должно быть исследование приемов описания, которые не были одинаковыми на протяжении столетия (конец XV—XVI в.).

Значительный интерес представляют ранние — и наиболее полные — описания новгородских земель. Одно из них — описание 1495—1505 гг. — ставило целью возможно более полно установить все сколько-нибудь значительные источники поземельных доходов. В этом описании тщательно зафиксирована закосная повинность помещичьих крестьян. В Шелонском поместье кн. И. С. Бабичева крестьяне косили на помещика откос под дер. Грязище: «Да под тою же деревней княжого сена 1000 копен, а косят волостью»⁴⁵. В поместье Федора Квашнина «косят сена христьяне 500 копен сена на его пожнях»⁴⁶. В поместье Картмазова на помещика косили сенокос под дер. Быстрой Брод: «Да под той же деревней и на пустоши на Коровнике косят на Ивана «волостью 200 коп. сена»⁴⁷. Аналогичная картина в деревском поместье Михаила Кучецкого: «Да на Михайла христьяне косят откос Олху да Забелской луг, а ставитца на них сена 230 копен»⁴⁸. В Водской пятине крестьяне косили сено на князя Темку Ростовского: «Да на Темку ж косят христьяне луги на реке на Оредежи, а ставитца на них сена 300 копен»⁴⁹. Писцы зафиксировали барщинную закосную повинность во владениях М. Татищева, К. Румянцева, А. Пестрикова, В. Чекова, князя Приимкова и многих других помещиков⁵⁰.

Комментарии писцов позволяют в некоторых случаях заключить, что закосная повинность явилась новшеством на новгородской земле и была введена водворившимися здесь московскими помещиками. При описании поместья Еремы Воробина в Заверьяжье писцы отметили: «Да на Ерему ж косят сена все христьяне под сельцом 20 копен, да в Жарех косят на Ерему 100 копен, и всего сена сто и двадцать копен». Суммируя доходы по поместью Е. Воробина, писцы записали 120 копен сена вместе с оброком, который помещик брал сверх «старого дохода»: «И перед старым Ерема... переимает рубль и 15 денег: 14 остратков сена... да сена косят 120 копен»⁵¹. Очевидно, Воробин сам обязал новгородских крестьян барщиной на сенокосе. В ряде случаев помещики эксплуатировали на своих покосах труд страдников и дополнительно вводили закос для крестьян. Так поступила помещица Ульяна Мусина, владевшая поместьем в Деревской пятине (описано в 1497 г.): «Селцо Ижыцы: дв. сама Ульяна с своими детьми, дв. человек ее Шульга, на Ульяну сеют ржи 7 коробей, а сена на нее косят христьяне откос 100 копен, а страдники ее косят на нее 70 копен, 3 обжи»⁵².

Писцовые книги конца XV в. пестрят сведениями о закосной повинности. В книгах конца 30-х — начала 40-х годов XVI в. эти сведения исчезают. Предположение, будто помещики разом во всех поместьях отметили к этому времени закосную барщину крестьян и тем самым нанесли себе большой материальный ущерб, маловероятно. Более правдоподобным кажется другое объяснение: власти сократили программу описания, и писцы перестали фиксировать закос как повинность, тем более что эта повинность стала традиционной. Приведенные ниже данные подтверждают, что именно так и обстояло дело. Сопоставим двукратное описание поместья Е. Воробина в начале и середине XVI века:

⁴⁵ НПК, IV, стр. 103.

⁴⁶ Там же, стр. 27.

⁴⁷ Там же, стр. 144.

⁴⁸ Там же, стр. 357.

⁴⁹ Там же, III, стр. 95.

⁵⁰ Там же, I, стр. 52, 191, 362, 487, 720; II, стр. 100; III, стр. 668; IV, стр. 125, 210.

⁵¹ Там же, III, стр. 27.

⁵² Там же, I, стр. 386.

Описание 1500 г.

«Да на Ерему же косят сена все христьяне под сельцом (Копцы) 20 копен, да в Жарех косят на Ерему 100 копен»⁵³.

Описание 1539/40 г.

Сельцо Копцы: «Да на них же (Воробиных) косят сена под сельцом 20 копен, а в Жарех косят сена 100 коп.»⁵⁴.

За 40 лет закос в поместье Воробиных не претерпел изменений. Как и прежде, на помещичьих сенокосах ставили 120 копен. Но при первом описании писцы отметили барщину на этом сенокосе, зато при повторном описании исключили указание на крестьянскую повинность.

Программа генерального описания второй половины 90-х годов XV в. отличалась подробностью и в некоторых отношениях давала больший простор писцам. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить то, что в деревских книгах 1495—1497 гг. имеются указания на применение труда крестьян на барской пашне. Подобного рода случай отмечен при описании поместья князя Ю. Оболенского: «Д. Кузьмино пуста, а пашут ее крестьяне на князя згоном, сеют ржи 6 коробей, сена косят 30 копен, 2 обжи; дохода с нее не было: жил в ней сам Кузьма»⁵⁵. Характерная деталь — крестьяне пашут княжью пашню «згоном». Этот термин дает наглядное представление об организации барщинного труда в поместье.

Судя по деревской писцовой книге, отдельные помещики заводили барщину для обработки небольших пустошей, обращенных под барскую пашню. Так, Ширшик Кишкин под «большим двором» в дер. Мякино «пахал на себя и с своими людьми» 12 коробей в трех полях. К этой основной пашне он присоединил пустующую землю в дер. Самлово. На этой новой барской пашне трудились барщинные крестьяне: «Д. Самлово: дв. Якуш Ермаков, сеет ржи 4 коробьи, а сена косит 20 копен, обжа, а другая половина тое деревни пуста, а пашут ее христьяне на Ширшика, сеют ржи коробье, а сена косят 14 копен, пол-обжы; старого дохода со всей деревни 2 белки» и т. д.⁵⁶. Новый доход шел только с крестьянской половины деревни. В итоговом описании поместья говорится: «А с полуобжы дохода нет: пашет ее Ширшик на себя»⁵⁷. Примечательно, что формулой «пашет помещик на себя» писцы обозначили пашню, которую в действительности обрабатывали крестьяне в счет барщины. Аналогично писцы описали поместье О. Линева. В итогах они поместили «Окунь (Линев.— Р. С.) и с своими людьми пашет на себя 2 обжы, сеют ржи 6 коробей, а сена косят 143 копны»⁵⁸. Исходя из этой трафаретной формулы, можно было бы заключить, что помещик обрабатывает пашню силами «людей». На самом деле они обрабатывали лишь часть барской пашни: «Д. Ручай: а в ней дв. Окунев, а в нем человек его Оникейко, сеет ржи 3 коробьи, а сена косит 30 копен обжа, да христьяне на Окуня косят 100 копен сена»⁵⁹. В дер. Ручай крестьяне исполняли только закосную повинность. Помимо основной пашни в усадьбе, Окунь завел барскую пашню в пустой деревне: «Д. Иваново пуста, а пашут ее на Окуня христьяне наездом, сеют ржи 3 коробьи, сена косят 15 копен, обжа; старого дохода 2 деньги»⁶⁰. Описанная пашня (3 коробьи), обрабатываемая крестьянами, объединена в итогах с прочей

⁵³ Там же, III, стр. 27.

⁵⁴ «Писцовая книга Водской пятины 1539 г.». Вып. 1. Новгород. 1917, стр. 8.

⁵⁵ НПК, I, стр. 536. В итогах помечено, что по новому письму «на князя пашут 2 обжи, сеют ржи 6 коробей, а сена косят 30 копен; а за христьяны пол-15 обжы» (там же, стр. 537).

⁵⁶ Там же, стр. 594.

⁵⁷ Там же, стр. 540.

⁵⁸ Там же, стр. 545—546.

⁵⁹ Там же, стр. 540.

⁶⁰ Там же, стр. 595.

барской пашней и описана формулой: «помещик и с своими людьми пашет».

О барщине на пашне сообщает преимущественно одна писцовая книга первой половины Деревской пятины 1495—1497 годов. Почему сведения о пашенной барщине исчезают в составленных вскоре писцовых книгах второй половины той же пятины, а также в писцовых книгах соседних пятин 90-х годов XV в. и равным образом в писцовых книгах следующего столетия до 50-х годов включительно? Потому ли, что барщина нигде больше не существовала даже спорадически? Или потому, что первые деревские писцы внесли в свои книги ряд подробностей, которые при последующих описаниях опускались?

По общему правилу писцы вносили в книги сведения о наиболее важных, постоянных и издавна существовавших источниках дохода. Барщина на пашне, во-первых, была новшеством в 90-годах XV в.; во-вторых, она не была значительным источником дохода: барщинники обрабатывали небольшие участки пашни на пустошах, присоединенных к барской пашне. Ввиду этого в ходе общего описания сложилась упрощенная формула («помещик пашет с людьми» и «крестьяне пашут»). Писцы больше не поясняли, что запись «помещик пашет» означала в некоторых случаях, что пашню на помещика пашут крестьяне.

Анализ формуляра писцовых книг показывает, что в XVI в. писцы перестали фиксировать барщинную повинность крестьян на сенокосах и пашне. В результате в писцовых книгах образовался пробел, заполнить который можно лишь с помощью многочисленной родственной документации, дополнявшей названные книги. Имеются в виду поместные «отдельные», «ввозные», «послушные» грамоты, постановления судейников и т. д.

Правовое положение крестьян к концу XV—XVI в. наиболее подробно определялось Судебником 1497 г. (ст. 57) и Судебником 1550 г. (ст. 88). И. И. Смирнов назвал ст. 88 Судебника 1550 г. «комментированной» статьей первого Судебника. Дополнения и поправки, внесенные в Судебник 1550 г., имели, по мнению автора, характер комментарий к «крестьянской» статье Судебника 1497 года. «Что касается вопроса о крестьянах,—пишет И. И. Смирнов,—то следует констатировать, что Судебник 1550 г. занимает здесь консервативную позицию... При всей исключительной важности этой статьи, по существу, она не дает почти ничего нового по сравнению со ст. 57 Судебника 1497 г.»⁶¹. С таким мнением трудно согласиться, поскольку в ст. 88 есть новелла, имеющая принципиальное значение. В ней впервые регламентировалась крестьянская барщинная повинность в связи с детализацией норм выхода крестьян в Юрьев день. Приведем целиком эту важнейшую новеллу ст. 88 Судебника 1550 г.: «А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба, или с стоячего, даст боран, да два алтына. А по кои места была его рожь в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи: а боярского ему дела, за кем жил, не делати»⁶². Освобождение от барщинных повинностей в пользу старого землевладельца связано было с тем, что крестьянин должен был делать «боярское дело» на нового господина, на земли которого он перешел.

То, что в общерусском законодательстве впервые появилось указание на барщину или «боярское дело», нельзя считать случайностью. Перед нами симптом экономических перемен, связанных с развитием отработочных форм ренты к середине XVI века. Судные дела 60-х годов XVI в., составленные в Новгороде на основании норм Судебника

⁶¹ И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. «Исторические записки». Т. 24, 1947, стр. 330.

⁶² «Судебники XV—XVI вв.». М. 1950, стр. 173.

1550 г., подтверждают этот вывод. Помещик Плещеев в 1555 г. пожаловался в суд на помещика Русина Головачева: «Продад деи ему тот Русин... с трех обеж доход хлебной и денежной и дело на 8 лет, а взяли деи у него 30 рублив московскую денег наперед, да того деи ему доходу и дела с трех обеж не дадут, а денег ему 30 рублив не отдадут же»⁶³. Итак, вместе с оброками Плещеев купил у Головачева право на использование отработок крестьян. В том же году помещики Бровцын и Воронин били челом на помещика Зезевитова, обвинив его в свозе крестьян не по сроку, без отказа и беспозилнино. Судьи распорядились вернуть крестьян и велели им «за Иваном Бровцыным да за Ворониным жити по нашему Уложению по Судебнику до сроку, и на помещика дела делати и доход давати»⁶⁴. Приведенные примеры показывают, что «дело» (барщина) становится реальной повинностью новгородских крестьян в середине XVI века.

Очень важно установить более точно содержание термина «дело». Поскольку он употреблен в Судебнике и судебных делах 50-х годов XVI в. применительно к крестьянам, то отсюда следует, что этим понятием обозначались в первую очередь земледельческие работы — косьба, пахота, молотьба и пр. Характерно, что в источниках конца XV в. употребляется выражение «делать землю», которое подтверждает предлагаемую интерпретацию⁶⁵. Еще более существенное значение имеет употребление термина «дело» в новгородских поместных документах 70-х годов XVI века. В 1571 г. староста Б. Ушаков «отделил» С. Ф. Стрешневу поместье в Водской пятине, поименовал живших там крестьян и сделал помету: «А доходу с них боярину четверть да дело»⁶⁶. В отписной книге на поместье Ю. Нелединского, составленной в 1571 г., было записано: «А пашни на помещика крестьяне не пахали, а давали за пашню и за посопной хлеб и за мелкой доход деньгами»⁶⁷. В «отдельной» книге поместья Т. Теглева 1572 г. читаем: «А доходу помещику с обжи... (помимо хлеба.— Р. С.), по десяти алтын денег, то за все про все, и за милкой доход и за дело»⁶⁸. Побор «за дело» отмечен в книгах «отдела» поместий И. Базаровых 1572 года⁶⁹. Подъячий С. Мартьянов, «отделяя» поместье И. С. Трухину, в 1572 г. записал: «А доходу с обжи помещику... (хлеб.— Р. С.) да по гривне по московской денег за все и за милкой доход и за пашню»⁷⁰. Тот же подъячий при «отделе» поместья Г. И. Базарову пометил: «А доходу помещику с обжи... (хлеб.— Р. С.) да по два алтына денег, и за страду, и за милкой доход»⁷¹. Аналогичный побор («за дело») зафиксирован в поместьях П. Маврина, П. Горемыкина, И. Волинского, Т. Мякинина и др.⁷². Примечательно, что одна и та же статья дохода — плата за натуральную повинность — именуется в одном случае «за дело», в другом — «за страду», в третьем — «за пашню». Такая взаимозаменяемость понятий служит еще одним доказательством того, что термин «дело» имел в виду земледельческие работы, в первую очередь работу на пашне, страде⁷³.

Побор «за дело», «за страду» был вовсе не известен в новгородских поместных документах конца XV века. Он впервые появляется, притом

⁶³ «Дополнение к актам историческим». Т. 1. СПб. 1846, № 51, стр. 82.

⁶⁴ Там же, стр. 76.

⁶⁵ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.». М. 1951, №№ 585, 586, стр. 468, 471.

⁶⁶ Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Т. II. ч. 2. М. 1909, стр. 143.

⁶⁷ Там же, стр. 56.

⁶⁸ Там же, стр. 232, 233.

⁶⁹ Там же, стр. 234.

⁷⁰ Там же, стр. 235.

⁷¹ Там же, стр. 236.

⁷² Там же, стр. 241, 242, 243, 245, 247.

⁷³ Весьма интересный анализ термина «страда» проделала Е. И. Колычева (см. Е. И. Колычева. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М. 1971, стр. 135).

в массовом порядке, в документах начала 70-х годов XVI века. Очевидно, помещики могли ввести новый побор, неизвестный ранее, лишь после того, как барщина на пашне («дело», «страда», «пашня») получила здесь более широкое распространение.

Среди поместной документации, дополняющей писцовые книги, исключительное значение имеют так называемые послушные грамоты, определявшие взаимоотношения помещика с крестьянским населением поместья. В середине XVI в. формулы «послушных» грамот претерпевают изменения: в них начинают включать обязательства крестьянина пахать помещичью пашню. И. И. Смирнов и другие исследователи сочли этот факт свидетельством развития барщины на новгородских землях⁷⁴. Но их точка зрения была оспорена А. Я. Дегтяревым, предложившим свою интерпретацию «послушных» грамот. По мнению А. Я. Дегтярева, новая их формула, появившаяся в середине столетия, «указывала на принадлежность земли, а не являлась регламентацией барщинных отношений», что подтверждается следующим сравнением «структуры послушных клаузул со структурой соответствующих частей кабальных грамот середины XVI в. и крестьянских порядных начала XVII в.»⁷⁵.

Послушные формулы поместных грамот	Кабалы середины XVI в.	Крестьянские порядные начала XVII в.
1. К крестьянам, которые в тех деревнях живут	Жити мне в монастырские деревни	на его Петрову жеребью жити
2. И вы бы к помещику приходили и слушали его во всем	—	жити тихо и смирно
3. Пашню его пахали	пашня пахати и оброк по книгам платити	мне пашня пахати и доход ему хлебный и денежный давати
4. Доход ему хлебный и денежный платили		
5. —	и всякое дело монастырское делати	изделье на него всякое делати с его крестьяны вместе

Построение А. Я. Дегтярева вызывает некоторые возражения. Прежде всего кажется произвольной предложенная им подборка грамот. А. Я. Дегтярев привлекает специфичные по форме «деревенские кабалы» Спасо-Прилуцкого монастыря XVI в., но не использует широко известные монастырские порядные грамоты XVI века⁷⁶. В последнем столбце таблицы цитируется новгородская порядная грамота 1647 г., которая относится к другой эпохе.

А. Я. Дегтярев не учел того, что крестьянские порядные и «пос-

⁷⁴ См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М. 1951, стр. 41—42; Р. Г. Скрынников. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских землях, стр. 287—288; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970, стр. 23; А. А. Зимин. Из истории поместного землевладения на Руси. «Вопросы истории», 1959, № 11, стр. 142.

⁷⁵ А. Я. Дегтярев. Указ. соч., стр. 15—16, 17.

⁷⁶ Как показал В. М. Панях, «деревенские кабалы» были специфической формой порядка крестьян в Спасо-Прилуцком монастыре (см. В. М. Панях. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря. «Проблемы источниковедения». Т. V. М. 1956).

лушные» грамоты являются различными видами юридической документации. «Послушные» (ввозные и отдельные) грамоты вводили помещика во владение поместьем и закрепляли за ним право на землю и доход. Формуляр таких документов отличается устойчивостью и единообразием. Он включал следующие пункты: царский наказ; наименование деревень и крестьян, передаваемых во владения помещику; формула подданства («послушания»); заверка дьячей печатью. Порядная же грамота оформляла частную сделку между крестьянином и землевладельцем. Ее писали обычно от имени крестьянина («се яз порядился еси жити за... во крестьянах»), и для заверки ее достаточно было подписи послуха. Каждый землевладелец по своему усмотрению включал в порядную разнообразные пункты об обязанностях крестьян (обязанности охватывали иногда весь цикл деревенских работ), о ссудах, оброках, барщине и т. д.⁷⁷ Крестьянские порядные грамоты не имели такого строго определенного формуляра, как поместные «послушные» грамоты, что чрезвычайно затрудняет их сопоставление между собой.

В своей таблице А. Я. Дегтярев сопоставляет не формуляры, а авторские выборки из формуляров. Так, в порядной середины XVII в. автор выбирает из восьми крестьянских обязательств четыре. Кроме того, А. Я. Дегтярев рассматривает только один тип формуляра «послушных» грамот, а между тем имеется несколько таких типов.

Чтобы проследить эволюцию «послушной» грамоты XVI в., следует изучить прежде всего порядок новгородского делопроизводства. Приказная практика выработала следующий порядок закрепления поместья за служилым человеком. Помещик получал от имени царя деревни «в поместье, з доходом з денежным и з хлебным и с мелким доходом, oprичь... дани»⁷⁸. На основании такой жалованной грамоты (позже на основании государева наказа) Съезжая изба выписывала «отдельную», или «ввозную», грамоту, устанавливающую подданство («послушание») крестьян. В грамотах 50-х годов XVI в. формула «послушания» имела следующий вид: «И вы б (крестьяне.—*Р. С.*) к Богдану (помещику.—*Р. С.*) приходили и слушали его во всем и доходы ему денежной и хлебной и мелкой доход давали по старине, как есте давали доход прежним помещиком»⁷⁹. Приведенные строки показывают, что формула «послушания», устанавливавшая принадлежность земли и крестьян, могла вовсе не включать указания на обязанность крестьян «пахать помещичью пашню».

Уже самые ранние «отдельные» грамоты на поместье начала XVI в. утверждали право помещика на заведение барской запашки, а также и на увеличение оброка: «А что ис тех обеж Семен (помещик.—*Р. С.*) возмет себе или своим людем обеж на пашню... а что прибавит на крестьян своего доходу и он в том волен...»⁸⁰. Приведенная формула получила полное развитие в «отдельных» грамотах 60-х—70-х годов XVI века. В них обязательства крестьян определялись двояким образом:

Краткая формула

Полная формула⁸¹

Чтобы крестьяне «пашню их (помещиков.—*Р. С.*) пахали и оброк им платили»⁸².

Чтобы крестьяне «пашню его (помещика.—*Р. С.*) пахали, где себе учинит, и оброк платили, чем вас (крестьян.—*Р. С.*) изоброчит»⁸³.

⁷⁷ См. М. А. Дьяконов. Сводный текст крестьянских порядных XVI в. СПб. 1910.

⁷⁸ См. Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Т. 1, ч. 2, стр. 6.

⁷⁹ Там же, стр. 34; см. также стр. 11, 18, 19, 26, 35 и др.

⁸⁰ Там же, стр. 6—7.

⁸¹ Сокращенная редакция: «пашню на него (помещика.—*Р. С.*) пахали и доход платили, чем вас изоброчит» (там же, стр. 54, 55, 59, 61, 71, 78, 79 и др.).

⁸² Там же, стр. 13, 15, 16, 17, 21, 23, 24, 28, 29, 32, 33, 36, 37.

⁸³ Там же, стр. 12, 31, 33, 37.

Приведенная полная формула послушной грамоты опровергает утверждение, будто крестьянское обязательство «пашню пахать» не имело отношения к барщине. Эта формула недвусмысленно говорит о том, что крестьянин обязан был пахать помещичью пашню, где помещик «собе учинит». Итак, если «отдельные» грамоты начала XVI в. утверждали право помещика взять любые распаханые крестьянские тяглые земли под барскую пашню, то «послушные» грамоты 60-х годов того же века позволяли ему использовать на этой пашне барщину. Изменения в формуляре «послушных» грамот отразили значительные экономические сдвиги, связанные с развитием барской запашки и появлением барщины. «Послушные» грамоты, определявшие отношения землевладельца с населением поместья, служат в этом плане ценнейшим дополнением к новгородским писцовым книгам, так как они позволяют отчасти заполнить пробел относительно барщины.

Во второй половине XVI в. в новгородском поместье быстро растет слой сельского населения, получивший наименование бобылей. Обычно бобыли платили землевладельцу небольшой «позем». Но уже в писцовых книгах 40-х годов XVI в. можно встретить первые сведения о бобыльской барщине. Подобный факт требует объяснения. Как уже отмечалось выше, писцы не фиксировали сведения о крестьянской барщине, поскольку крестьяне платили значительные натуральные и денежные оброки, по сравнению с которыми отработки имели первоначально маловажное значение. Что касается бобылей, то их платежи — «позем» — были невелики, и некоторые помещики полностью заменяли их барщиной. В силу того, что писцы должны были учесть основные статьи дохода с бобылей, они не могли не упомянуть о барщине. При описании Шелонской пятины в 1539—1541 гг. писцы отметили два рода отношений бобыля и землевладельца. Помещик Мосеев брал с бобылей денежный «позем»: три двора бобылей «позему дают пол-2 гривны»⁸⁴. Соседний помещик Евсюков заменил для бобылей «позем» барщиной: «д. Гористик, а бобылей (2 дв.) без пашни, а за позем делают»⁸⁵. В Шелонской пятине часть бобылей не платила «позема», следовательно, обязана была отрабатывать барщину.

В 70-х годах XVI в. бобыльская барщина получила дальнейшее развитие. В 1576 г. в Шелонской пятине на землях И. Хлопова описано было 13 бобыльских «дворов». Все бобыли работали на помещика по шесть дней в году: «А за оброк делают на помещика по шти дней в году»⁸⁶. У Хлоповых была крупная запашка в с. Ярилово: «Село Ярилово, а в нем храм Никола Чудотворец, церковь деревянная; церковного притча 2 двора пусты, да двор помещиков, дв. Иванов человек Хлопова Смирной Савельев, пашни в поле 2 выти с четвертью выти, а в дву потомуж, земля середняя, сеетца на выть по 10 четвертей, сена 10 копен»⁸⁷. На описанной барской пашне помещичьи бобыли должны были отработать 78 дней в году. Шесть дней в год — такой была норма бобыльской барщины в новгородском поместье в 70-х годах XVI века. Чаще бобыли работали («делали») на помещика от двух до пяти дней в году и вместе с тем платили небольшой оброк⁸⁸. Развитие бобыльской барщины объясняет тот факт, что многие помещики селили бобылей в непосредственной близости от барской пашни под большим двором: барщина была простейшей формой эксплуатации неимущих.

При последнем общем описании новгородских пятин, проведенном в 1582—1583 гг., программа «письма» была сокращена даже по сравне-

⁸⁴ НПК, IV, стр. 288.

⁸⁵ Там же, стр. 289.

⁸⁶ Там же, V, стр. 621.

⁸⁷ Там же, стр. 622.

⁸⁸ Там же, стр. 578, 581, 588, 589, 592, 608—612, 651, 655, 670, 681, 683, 686.

нию с описью конца 30-х годов XVI века. Понятно, что барщина в новых писцовых книгах не фигурировала. Тем не менее А. Л. Шапиро предпринял попытку количественно учесть барщинные повинности крестьян и пришел к выводу, что к 80-м годам XVI в. бремя барщины ослабло в условиях кризиса. Он приводит расчет господской пашни на крестьянский двор в двух возможных вариантах: 1) если каждый холопий и крестьянский двор обрабатывали примерно одинаковый участок господской пашни и 2) если крестьяне пахали то, что осталось после обработки каждым холопьем двором 10 десятин⁸⁹. Полученные таким путем цифры едва ли могут отразить историю барщины, поскольку в писцовых книгах отсутствуют сведения, которые могли бы служить исходными данными для количественного учета барщины. При выяснении соотношения холопьевого и барщинного труда А. Л. Шапиро исходит из предположения о том, что писцовые книги дают полные сведения о холопьем населении поместья. На самом деле это не так. Писцы не фиксировали скрытое холопье население — тех страдных холопов, которые в основном и обрабатывали барскую пашню, проживая в челядинных и людских избах за стенами барской усадьбы. С другой стороны, в отдельных дворах часто жили слуги-холопы, пахавшие не барскую, а служную пашню. Не отвечает реальному положению и допущение о поголовном привлечении крестьян к обработке барской пашни. Применительно к началу XVI в. об этом не могло быть и речи, и даже в конце этого века помещики, вероятно, привлекали для обработки своей запашки прежде всего крестьян из близлежащих деревень.

Данные о барщине, пригодные для статистической обработки, впервые появляются в поместных описаниях лишь в 90-х годах XVI века. В то время власти провели в пятинах «дозор» и составили «дозорные» книги в связи с изданием закона о частичном освобождении барской запашки от податей. «Обелению» подлежала барская усадебная земля в определенном окладе, и эту землю надо было строго разграничить с облагаемой податями барской (сверхокладной), людской и крестьянской землей. Проведение в жизнь указа об «обелении» привело к тому, что в 1594—1595 гг. дозорщики впервые попытались строго фиксировать барскую пашню, «что пашут на помещика крестьяне».

Г. В. Абрамович подверг статистической обработке «дозорную» книгу Бежецкой пятины 1594—1595 гг. и установил, что на долю барской запашки, которую пахали «крестьяне на помещика», приходилось всего 14,4% барской запашки⁹⁰. Он попытался выявить динамику явления и определить исходный уровень барщины по писцовым книгам Бежецкой пятины 30-х—40-х годов XVI века. По его подсчетам, среди населения, обитавшего в помещичьих усадьбах, крестьяне составляли 14,8% (при этом учтены все помещичьи люди, жившие вне усадищ). Отсюда Г. В. Абрамович заключил, что крестьяне составляли лишь 14,8% людей, работавших на барской пашне в середине XVI в., и сделал вывод, что доля крестьянской барщины в обработке барской запашки в конце XVI в. осталась той же, что была в середине века. Такой вывод представляется недостаточно обоснованным. Попытка выразить точной цифрой (с долями процента) участие крестьян в обработке барской пашни примени-

⁸⁹ «Новгородские пятины», стр. 284. Предлагая поправку к своему подсчету, А. Л. Шапиро пишет, что холопы могли обработать более 10 десятин пашни и что на господской пашне работали некоторые помещики сами (там же). Однако если учесть, что помещики в последние годы Ливонской войны почти ежегодно участвовали в длительных военных походах, то станет ясно, что едва ли они располагали физической возможностью лично участвовать в сельскохозяйственных работах сколько-нибудь регулярно. Несколько отмеченных писцами случаев перехода разоренных помещиков в крестьяне были, конечно, редчайшим исключением. Тут речь шла о деклассированных элементах, как и в случаях поступления дворян в холопы.

⁹⁰ Г. В. А б р а м о в и ч. Указ. соч., стр. 61—62.

тельно к 30-м — 40-м годам XVI в. неубедительна, поскольку предположение о том, что крестьяне, жившие в усадищах, несли барщину (а прочие крестьяне не несли), произвольно. Писцовые книги 30-х—40-х годов XVI в. не позволяют даже примерно учесть объем барщинных повинностей крестьян.

Данные «дозорных» книг 90-х годов XVI в. относительно барщины требуют критической оценки. Нам представляется, что статистической обработке названных книг должна предшествовать некоторая источниковедческая работа. В частности, следует поставить вопрос о терминологии бежецких дозорщиков и точности собранных ими сведений. При описании барской пашни дозорщики употребляли формулу «помещик пашет на себя своими людьми». На первый взгляд такая формула полностью исключала барщину. Но так ли было на самом деле? Обратимся к описанию поместья Н. М. Аничкова. Вся помещичья пашня концентрировалась тут в усадище: «Усадище село Жвана на реке Мсте, а в нем два двора помещиковы, пашни паханые помещиковы, пашет своими людьми, 45 чети в поле, а дву потомуж, четыре обжи и с полобжою»⁹¹. Если понимать приведенную запись буквально, то неизбежным будет вывод о том, что Аничков обрабатывал всю свою пашню холопьем трудом, не прибегая к барщине. Но такое буквальное понимание оказывается неверным. В том же селе Жваны на земле Аничкова стояли 14 бобыльских дворов, каждый из которых платил в пользу помещика по гривне на год. «Да они же,—записали дозорщики,—делают на помещиков летом и зимою урочные дни: летом пашут пашню и помолотят хлеб и косят сено, а зимою помолотят хлеб и секут дрова»⁹². Поскольку у Аничкова не было запашки, кроме той, которая находилась в усадище, бобыли, очевидно, эксплуатировались на той самой земле, которую, по утверждению дозорщиков, помещик пахал исключительно «своими людьми».

Приведенный пример свидетельствует о том, что обычная формула «помещичья пашня, пашет помещик своими людьми» вовсе не исключала возможности использования на такой пашне барщинного труда бобылей и крестьян. Перед нами та же самая терминологическая особенность, которая отмечена выше при анализе деревских писцовых книг 90-х годов XV века. Сами по себе барщинные повинности крестьян так же мало интересовали дозорщиков 90-х годов XVI в., как и их предшественников, писцов конца XV века. Там, где на барской пашне применялся смешанный труд холопов и барщинных крестьян, разграничить их с точки зрения объема было довольно трудно. Дозорщики не ставили подобной задачи, в этом не было практической необходимости. Цель дозора состояла в том, чтобы выделить барскую пашню, которую помещики пахали на себя в усадищах, и строго отграничить ее от людской и крестьянской пашни. При выполнении этой задачи дозорщики столкнулись с тем, что некоторые участки барской пашни пахали исключительно крестьяне. Только эти случаи они и зафиксировали.

Таким образом, дозорщики выделили лишь барщину «в чистом виде». На долю такой барщины приходилось 14,4% всей барской запашки. Но это не значит, что на прочей барской пашне помещики вовсе не использовали барщинных крестьян в качестве вспомогательной силы. Установить объем этой «комбинированной» барщины пока не представляется возможным. Между тем эта ее форма, может быть, была ведущей.

На основании подсчетов Г. В. Абрамовича можно заключить, что в поместьях Бежецкой пятины господская запашка выросла в первой половине 90-х годов XVI в. вдвое. Даже в годы экономического благопо-

⁹¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, лл. 99об — 100.

⁹² Там же, л. 101.

лучия для столь значительного прироста пашни требовалось много десятилетий. Как же объяснить подобный факт? Как смогли помещики в три-четыре года изыскать резервы рабочей силы? Может быть, это отчасти объясняется тем, что они имели возможность более широко использовать барщинный труд своих крестьян? Ввиду многократного сокращения крестьянского надела в годы разорения феодал лишен был возможности существенно повысить оброки, зато ничто не мешало ему воспользоваться формулой «послушной» грамоты и употребить крестьянский труд на вновь заведенной барской запашке.

Новые исследования по экономической истории Новгорода заставляют отказаться от вывода о том, что широкое развитие барщины привело к падению холопского труда в новгородском поместье и уже в конце XVI в. дало новую основу для барского хозяйства. Представляется, однако, что было бы ошибкой отрицать барщину как значительное экономическое явление в истории новгородского поместья второй половины столетия. Комплексное изучение новгородских писцовых книг и всей прочей поместной документации опровергает мнения, будто в конце XVI столетия барщина либо находилась на стадии зарождения, как и в середине века, либо даже несколько сократилась в условиях кризиса. Если в первой половине XVI в. новгородские помещики обрабатывали свою пашню исключительно холопским трудом, то к концу этого века наряду с холопами и кабальными людьми они начали эксплуатировать также труд барщинных крестьян. Писцовые материалы не содержат данных для количественных определений объема барщинных повинностей новгородских крестьян. Однако к концу XVI в. развитие барщины достигло такого уровня, когда возникли значительные участки и наделы, обрабатываемые исключительно трудом барщинных крестьян. В Бежецкой пятине чисто барщинным способом обрабатывалась уже седьмая часть помещичьей пашни. На прочей пашне помещики эксплуатировали как холопий труд, так и «комбинированный» труд холопов и барщинных крестьян. Приведенные факты позволяют заключить, что к концу XVI в. тенденция к расширению барщинных повинностей крестьян приобретает отчетливый, устойчивый характер.

При оценке барщины не следует исходить из предположения, будто она могла развиваться преимущественно в рамках крупного хозяйства, товарищуемого под влиянием внутреннего и отчасти внешнего рынка. В новгородских писцовых книгах конца XVI в. обрисовываются контуры совсем другого типа барщинного поместья. Это мелкое помещичье хозяйство, сохранившее замкнутый натуральный характер и начавшее применять крестьянскую барщину на господской пашне. Исследование истории новгородского поместья не дает возможности говорить о господстве барщины или наличии зрелой барщинной системы даже применительно к концу XVI века. Но при оценке этого факта надо учитывать общие особенности аграрного развития северо-западной окраины России. В силу особых климатическо-почвенных условий и исторических традиций барщинная система даже в более поздний период никогда не получила здесь такого развития, как в черноземной полосе.

Зарождение барщины и формирование крепостничества в XVI в. были двумя сторонами единого процесса развития барщинно-крепостнической системы в рамках феодальной формации.